

УДК 316

А.Л. Кравченко, Д.В. Ломакин

Цифровые платформы как механизм социального контроля: социологический аспект

Аннотация:

Рассматриваются параметры цифровых платформ в системе современных механизмов социального контроля. Показана специфика и структура платформенного контроля. Выявлены особенности функционирования цифровых платформ в эпоху позднего («платформенного», «надзорного») капитализма. Сделан вывод о гибридном характере платформенного контроля, включающего элементы дисциплинарных практик власти, рыночного регулирования и алгоритмического управления поведением пользователей на микро- и макроуровнях.

Ключевые слова: цифровые платформы, капитализм платформ, социальный контроль, платформенный контроль, неолиберализм, цифровой надзор, когнитивные войны.

Об авторах: Кравченко Алексей Леонидович, кандидат философских наук, Государственный университет «Дубна», ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук; Подмосковный политехнический колледж; эл. почта: alkravch1@yandex.ru

Ломакин Дмитрий Викторович, Государственный университет «Дубна», студент кафедры социологии и гуманитарных наук, эл. почта: foixyt09@gmail.com

Введение

Современное общество переживает процессы качественной трансформации, связанной с внедрением цифровых технологий в различные области общественной жизни. В этой связи цифровые платформы оказываются инфраструктурной основой современного социума, а также полноценной бизнес-моделью. Такая роль наделяет цифровые платформы властью, поскольку платформенный формат современных экономических, политических и

социокультурных практик превращает платформы в незаменимый инструмент социального контроля.

«Цифровая платформа» – многозначное понятие, которое рассматривается в нескольких контекстах. Прежде всего, понятие отсылает к части IT-среды эпохи WEB 2.0: с точки зрения такого подхода платформа представляет собой «цифровую инфраструктуру, которая позволяет двум и более группам взаимодействовать», поэтому она позиционируется как посредник, соединяющий между собой различных пользователей [10].

Однако важно воспринимать платформу не только как среду коммуникации, ведь со временем она трансформируется в бизнес-модель, основная задача которой – это получение прибыли и капитализация пользовательских данных различных форматов. Платформа оказывается основой современного цифрового капитализма и замыкает цепочку его развития: «капиталистическая фабрика – крупная корпорация – глобальные производственные сети – платформы» [8]. Ключевая особенность новой бизнес-модели заключается в «сырье», которое она извлекает, – в данных. Главная особенность такого сырья – абсолютная универсальность и многоплановость. Потребительские привычки пользователя могут быть использованы в медицине, реализованы для продажи «подходящей» пары носков, а могут быть основой для обучения нейросетей.

Помимо этого, данные освобождают производство и экономическую систему от физических носителей. Они все «плавают» в цифровой среде. Цифровые следы с достаточно высокой достоверностью позволяют определить пол и возраст человека, особенности личности, а знание о социально-демографических и психических особенностях дает «кодированный ключ» для манипулирования сознанием и поведением пользователя [3].

Вместе с тем механизм сбора данных включает в себя не только анализ и интерпретацию текста. Агрегация данных позволяет реализовывать анализ фото, внешности и образа пользователя, его геоданные, потребительские привычки, внимание (время акцента, сформированное через пользование и фиксацию компьютерной мыши). Развитие технологических возможностей для сбора информации о пользователе приводит к тому, что люди оставляют все больше цифровых следов (данных, которые они производят сами) и цифровых теней (информации, которую собирают о них другие). Такие архивы позволяют осуществлять дата-надзор и геонадзор (отслеживание местоположения и перемещения

людей, транспортных средств, товаров и услуг, мониторинг пространственных взаимодействий) [3]. Подобное господство данных обуславливает новую акторную модель в организационной структуре цифрового капитализма:

- пользователь (одновременно с этим и производитель);
- малый и средний бизнес, индивидуальные предприниматели (промежуточное звено коммуникации, которое берет на себя основные риски и массу издержек);
- цифровая платформа.

Платформенными компаниями разворачивается реальный рыночный обмен, связанный с продажей поведенческих прогнозов рекламодателям и другим интересантам. Он скрыт от пользователей и находится вне их контроля [8]. Цифровые «крестьяне», как называет современное общество создателей и потребителей данных социальный теоретик Я. Варуфакис, бесплатно, с большим энтузиазмом ради «социальных очков» отдают пользовательскую информацию о себе платформам, создают контент и привлекают других людей в систему социальной замкнутости [2].

После того, как данные оказываются в сети, они уже не принадлежат индивиду, а «встраиваются» в платформенную систему и могут быть использованы вне зависимости от интереса и понимания человека. Обозначенные «метаморфозы» капитализма существенно трансформируют привычные устои общественной жизни: приватность личности, независимое принятие решений, анонимность и безопасность в сети.

Настроенные алгоритмы пользователя не позволяют ему совершить до конца осознанную покупку, поскольку заранее предложенные товары уже настроены специально под его предпочтения; новостные ленты в социальных сетях меняют и формируют общественное мнение; «слитые» базы данных, ставшие обыденностью, ставят под сомнения информационную и экономическую безопасность пользователя. Наконец, у нас еще нет окончательного понимания того, сколько же информации о каждом из пользователей платформы имеют в своих «запасах», и как компании в действительности их используют.

В современной социальной теории проблематика социального контроля становится одной из центральных. Теории контроля XIX-XX вв., ставшие классическими, перестают адекватно описывать практики современного социального контроля, усовершенствованного технологическими системами. В качестве инструмента социального контроля цифровые платформы осуществляют не только сбор колоссальных объемов

пользовательских данных, но и регуляцию поведения индивидов посредством уникальной архитектуры выбора, персонализации контента, всевозможных экономических стимулов и пр. В результате современный контроль оказывается невидимым для пользователя, который воспринимает его проявления как удобство сервиса.

Предпосылки и специфика платформенного контроля

Социальная теория успела выработать и даже предсказать особенности социального контроля, осуществляющегося посредством цифровых платформ. Так, в работе «Надзирать и наказывать» М. Фуко размышляет о метафоре паноптикума – идее И. Бентама, описывающей тюремную модель, где заключенный всегда видим для надзирателя, который сам остается незаметным. Паноптизм порождает эффект самоконтроля, ведь предполагая постоянное наблюдение за собой, индивид трансформируется в самонадзирателя, осуществляющего перманентный самоконтроль [11].

Однако, если паноптическая модель контроля, характерная, по мысли М. Фуко, для дисциплинарных обществ, связывалась с конкретными институциями, местами и временем, то цифровые платформы переносят контроль за территориальные и темпоральные рамки – потенциальной зоной наблюдения оказывается вся жизнь человека, окруженного смартфоном, интернетом вещей, умным домом и пр. Вместе с тем подобный цифровой надзор не «исправляет» человека, как было описано в фукианской модели, но постоянно его профилирует – собирает данные и выстраивает на их основе поведенческие модели.

В этой связи социальный теоретик Н. Срничек замечает, что «цифровая экономика становится моделью гегемонии: города должны стать “умными”, бизнес – прорывным, рабочие – гибкими, а правительства – бережливыми и “интеллектуальными”»; все эти изменения преподносятся как идеал, «легитимирующий современный капитализм», однако на деле платформизация экономических и социальных процессов обусловлена снижением уровня прибыльности в промышленности, которое и развернуло капитализм к данным [10, с. 11].

В подобном ключе, однако еще задолго до работы Срничека, рассуждает Д. Харви, согласно которому с начала 1970-х гг. в культурных и политико-экономических практиках западных стран наблюдаются существенные перемены, связанные со становлением нового цикла «временно-пространственного сжатия капитализма» и возникновением новых «способов переживания нами пространства и времени» [12, с. 41]. Кризис промышленного капитализма спровоцировал возникновение иного, «гибкого способа накопления», чем

объясняется развитие постиндустриального западного общества. В этом смысле возникновение цифровых платформ, открывающих для капитала новые рынки данных, оказывается логическим продолжением обозначенных процессов.

«Самопредпринимательство», о котором писал М. Фуко, посредством платформ сегодня встраивается в неолиберальную модель человека как бизнес-проекта, которая характеризуется постоянной нарциссической демонстрацией личной жизни ради социального одобрения в виде лайков. Происходит коммодификация человеческой личности, ее трансформация в бренд и товар. При этом отказ от подобных практик угождения алгоритмам и подписчикам приравнивается к цифровой смерти – все это тоже определенным образом контролирует современного человека.

Идеи М. Фуко своеобразно продолжает Ж. Делез. В небольшом эссе «P.S. к обществам контроля» он выдвигает гипотезу, согласно которой на смену дисциплинарным социальным институциям придет нечто более тотальное. Границы между семьей, школой, больницей и т.д. будут размыты, а контроль станет непрерывным [4]. В этом смысле цифровые платформы представляют собой воплощение делезианского общества контроля, ведь их алгоритмы в перманентном режиме воздействуют на информационный поток, социальные связи, вкусы и желания индивида. Новыми ключами и шифрами контроля оказываются электронные пароли, доступы, цифровые подписки и рейтинги.

В свою очередь, идеи М. Фуко и Ж. Делеза развивает современный социальный теоретик Б.-Ч. Хан, разрабатывая концепт «психополитики» [14]. В цифровую эпоху «умных» устройств и «умных» домов сама власть становится «умной». Пользователи добровольно отказываются от приватности, раскрывая аспекты своей личной жизни, поэтому практики власти реализуются через лайки и репосты, посредством которых осуществляется эксплуатация эмоций и коммуникаций. Похожие мысли высказывает Ф. Берарди, определяя современную эпоху как семиокапитализм, базирующийся на нейроэксплуатации – специфическом извлечении стоимости из интеллектуальной энергии человека [13].

Таким образом, современные концепции контроля демонстрируют трансформацию практик власти от внешнего принуждения к самоназору (самоконтролю, а также самопредпринимательству) посредством цифровых инструментов. При этом современный социальный контроль децентрализован и автоматизирован, тем самым оказываясь более скрытым и тотальным.

Структура платформенного контроля

Начальным уровнем контроля цифровых платформ выступает идентификация и доступ пользователя. Прежде всего человек вынужден принять определенные условия сервиса (Terms of Service, ToS) – документ, который редко кто-то читает полностью, согласно которому пользователь разрешает платформе осуществлять сбор данных, модерацию контента, возможность заблокировать аккаунт и пр. Подобный договор одновременно наделяет платформу статусом законодателя, исполнителя и судьи, поскольку она сама устанавливает нормы для «юзеров», а также определяет допустимое или недопустимое поведение.

Во-вторых, одним из наиболее мощных элементов контроля оказываются алгоритмы, определяющие контент и рекомендации. Они порождают информационные пузыри, подтверждающие взгляды пользователя и фильтрующие все, что может пошатнуть его точку зрения. В этом смысле контроль осуществляется не столько через цензуру, сколько через управление видимостью информации, ведь «лишний» контент оказывается невидимым для человека. Все это порождает поляризацию и атомизацию общества, где пользователи пребывают в «небольших уютных мирах», считая их за подлинную реальность. К тому же платформы регулярно управляют эмоциями пользователей: гнев и страх – наиболее «эффективные» реакции, удерживающие внимание и повышающие вовлеченность. Поэтому негативный контент зачастую распространяется намного быстрее позитивного, а алгоритмы, заточенные на удержание аудитории, способствуют распространению поляризующего контента, тем самым управляя эмоциональным климатом в обществе.

В-третьих, интерфейсы цифровых платформ регулярно направляют поведение пользователя посредством дизайна (поля «купить сейчас», «лайк», «поделиться» и т.д. обычно выделены намного ярче, чем отказ от подписки или настройки профиля, например, параметры приватности), механизмов геймификации и бесконечной ленты, которые вызывают у человека зависимость.

Для сохранения и приумножения вовлеченности платформы прибегают к методам из поведенческой психологии и даже нейробиологии: постоянные уведомления, лайки и комментарии активируют систему вознаграждения в человеческом мозге, а также формируют условные рефлексы пользователя. В этой связи популярной цифровой «болезнью» современности становится «FOMO» (fear of missing out) – страх упущенной

возможности пропустить что-то интересное, выраженный в тревоге, которую испытывает человек, если долго не заглядывает в приложение [9].

Помимо этого, платформы используют системы рейтингов и цифровых репутаций посредством оценок и отзывов. Они способны лишать человека доступа к своим сервисам, что равносильно социальной смерти субъекта, поскольку блокировка аккаунта означает утрату доступа к средствам и социальным связям.

Цифровые платформы в системе позднего капитализма

Социальный теоретик Ш. Зубофф называет доминирующую бизнес-модель современных крупных цифровых корпораций «надзорным капитализмом» [6]. В подобной логике существования платформ пользователь добровольно отдает свои данные в обмен на доступ к сервису. Ключевым понятием концепции Зубофф выступает «поведенческий излишек» – избыточные знания о пользовательском поведении, собираемые платформой. Подобные данные не нужны корпорациям для улучшения работы интерфейсов, но собираются для прогнозов поведения пользователей и продажи рекламодателям и другим интересантам. По этой причине контроль становится ключевым условием извлечения стоимости, ведь для того, чтобы сделать поведение юзера предсказуемым, его нужно сделать управляемым. Внимание пользователя в этой связи постоянно удерживается, а данные о нем в перманентном режиме собираются, чтобы прогнозная модель становилась все более точной.

Социальный контроль ежедневно испытывают на себе и работники платформенной экономики – водители такси, фрилансеры, курьеры и иные рабочие, считающиеся самозанятыми независимыми подрядчиками. Несмотря на формальный статус, фактически их труд регламентируется алгоритмами, определяющими ставку, маршрут, итоговую оценку выполненной работы. Работники не могут вступать с алгоритмами в переговоры, не имеют представления о логике принятия алгоритмами решений, тогда как цифровые платформы – наоборот, регулярно отслеживают их местоположение и даже эмоциональный фон. Вместе с тем надзорный капитализм трансформирует понятие собственности, ведь если раньше капитализм извлекал стоимость из наемного труда, то сегодня он эксплуатирует человеческий опыт, отраженный в данных [6].

Заключение

Платформенный формат охватывает все сферы общественной жизни. Платформизации подвергаются маркетплейсы, государственные услуги, социальные сети и пр. Размываются границы между корпоративным и государственным, финансовым и нефинансовым [7]. Однако перманентный рост цифровых платформ обусловлен и их сетевым эффектом, когда ценность платформы для одного пользователя возрастает по мере увеличения аудитории этой платформы [10]. Платформы стремятся к монополизации, поэтому постоянно увеличивают функционал и спектр предоставляемых услуг. По этой причине экономическая необходимость роста обуславливает проникновение платформенных форматов в сферы здоровья, образования, финансов, государственного управления, торговли и иные всевозможные аспекты жизни современного человека.

Наконец, помимо микроуровня контроля, есть и макроуровень воздействия цифровых платформ на государства и геополитический фон. Сегодня платформы становятся настоящим оружием на арене международных отношений, в связи с чем технологические гиганты западных стран справедливо рассматриваются другими акторами в качестве угрозы национальному суверенитету, ведь пользовательские данные, хранящиеся на серверах иностранных корпораций, вполне могут быть использованы для разведки, цифрового шпионажа, влияния на выборные процедуры [5].

Вместе с тем в процессе модуляции контента платформенные алгоритмы транслируют культурные и идеологические ценности, выступая элементом «мягкой силы». Поэтому государства, стремящиеся сохранить суверенность, вынуждены ограничивать глобальные сервисы, если те нарушают местное законодательство. В этой связи все большую актуальность получает идея отхода от единого сетевого пространства и формирование более узких цифровых блоков.

Контроль платформ в современных реалиях означает контроль нарративов, культурных кодов и паттернов поведения. Как отмечает медиатехнолог С.С. Уралов, благодаря развитию цифровых технологий информационные войны между государствами сегодня качественно изменились и превратились в когнитивные. В этих процессах невольно участвуют все пользователи социальных сетей, ежедневно потребляющие контент. Когнитивные войны нацелены на изменение мышления и психоэмоционального фона человека, осуществляющееся посредством когнитивных ударов, направленных на формирование антигосударственных настроений у пользователя [1, с. 237].

Таким образом, цифровые платформы сегодня демонстрируют гибридную форму социального контроля, включающую как элементы дисциплинарных практик власти, так и рыночного регулирования, неолиберальной этики и психологического манипулирования посредством алгоритмов. Обозначенные процессы протекают не только на уровне «корпорация-пользователь», но и на уровне международных отношений, побуждая человека и государство адаптироваться к новым условиям. Разумеется, «цифровой луддизм» в этой связи не выдерживает критики, ведь от платформ уже нельзя отказаться ни на уровне личности, ни на уровне государственного управления, что актуализирует проблему разработки механизмов регулирования цифровых платформ в России и мире.

Библиографический список:

1. Бурикова И.С. Политическая психология и когнитивные войны. Итоги работы круглого стола по политической психологии // Управленческое консультирование. 2025. № 6(192). С. 234-241.
2. Варуфакис Я. Технофеодализм. М.: Ad Marginem, 2025. 304 с.
3. Гавриленко О.В. Эпоха «надзорного капитализма»: новые формы власти цифровых платформ и манипулирование пользователями // Теория и практика общественного развития. 2024. № 3. С. 74-79.
4. Делез Ж. Переговоры. 1972-1990. СПб: Наука, 2004. 235 с.
5. Евстифеев Р.В. Иностранное вмешательство в национальные выборы в цифровую эпоху: постановка проблемы и перспективы исследований // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2022. № 3. С. 10-27.
6. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах на новых рубежах власти. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 781 с.
7. Набиуллина: платформенная экономика и экосистемы будут развиваться // Тасс. URL: <https://tass.ru/ekonomika/26959615> (дата обращения: 14.04.2026).
8. Радаев В.В. Экспансия платформ как вызов социологии // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 15-28.
9. Скворцов К.В. Влияние синдрома упущенной выгоды на формирование зависимости от просмотра коротких видеороликов среди обучающихся юридических вузов города Владимира / К.В. Скворцов, К.Н. Курысев // Образование и право. 2026. №2. С. 627-631.

10. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 128 с.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 226 с.
12. Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 576 с.
13. Berardi F. Precarious Rhapsody. London: Minor Compositions, 2009. 157 p.
14. Han B.-Ch. Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power. L.: Verso Books, 2017. 96 p.

Kravchenko A.L., Lomakin D.V. **Digital Platforms as a Mechanism of Social Control: A Sociological Aspect**

The article examines the parameters of digital platforms in the system of modern mechanisms of social control. It shows the specifics and structure of platform control. The article identifies the features of the functioning of digital platforms in the era of late («platform», «surveillance») capitalism. The article concludes that platform control is a hybrid phenomenon that combines elements of disciplinary power practices, market regulation, and algorithmic control of user behavior at the micro and macro levels.

Keywords: digital platforms, platform capitalism, social control, platform control, neoliberalism, digital surveillance, cognitive wars.